

«Великий рачитель и любитель наук...» Биография Ивана Кирилловича Кирилова

Иван Кириллович Кирилов, один из основателей отечественной географической науки, родился в 1689 году в семье подьячего. В 1702 году, в возрасте тринадцати лет, поступил в Навигационную школу, находившуюся тогда в Москве, в ведении Оружейной палаты, о чем сохранилось письменное свидетельство: «Послан из Палаты Оружейной в школу наук математических, во ученики Иван Кирилов, которого принять учителю Андрею Фархварсону с товарищи нынешнего 1702 мая в 23 день». Этот документ опровергает сложившееся представление об И. К. Кирилове как о самоучке.

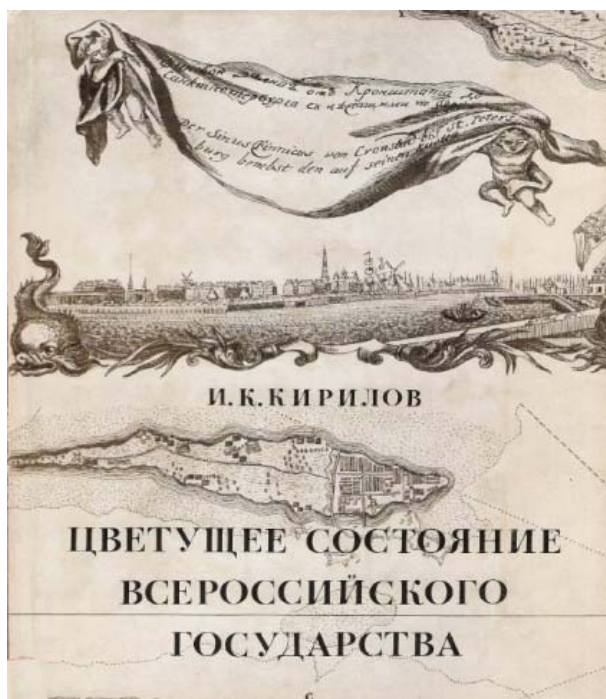
В 1712 году Кирилов — подьячий в Ельце, выполняет землемерные или топографические работы, связанные, скорее всего, с широкой заготовкой леса для строительства судов, поскольку в то время Елец числился «по кораблестроительным делам» и был приписан к Азовской губернии. Знаем же мы об этом потому, что именно в 1712 году стольник И. Д. Хлопов объезжал ряд губерний, отыскивая для службы в Москве способных молодых людей. Среди двенадцати человек, отобранных Хлоповым, был и двадцатитрехлетний Иван Кирилов.

В Москве Кирилов поначалу служил в Поместном приказе, но вскоре, когда Приказ упразднили, а его дела передали в Поместный стол Сената, там же оказался и он. В Сенате Кирилов прослужил более двадцати лет и, начав с самой нижней ступеньки служебной лестницы, поднялся до обер-секретаря Сената (1728 год).

С первых же дней своей службы на новом месте, Кирилов обратил на себя внимание углубленным интересом к картам, картографии, к тому, что мы бы назвали сейчас экономической географией. Вероятно, поэтому, когда в 1720-х годах в России приступили к полномасштабным геодезическим съемкам и составлению карт территорий Империи, руководство этими работами было поручено И. К. Кирилову.

Помимо картографических материалов, к Ивану Кирилловичу стекались и разнообразные статистические сведения: о наличных дорогах, реках, лесах, городах и сёлах, составе и численности населения, его занятиях, промыслах и т. д. Всё это богатство Кирилов решил использовать для составления полного описания Отечества.

В 1727 году грандиозный труд, первый в своем роде, был завершен и назывался, по обычаю того времени, так: «Цветущее состояние Всероссийского Государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец Отечества, император и самодержец Всероссийский и прочая,

и прочая, и прочая. Книга первая, в которой описаны губернии и провинции, в них города, гарнизоны, артиллерия, канцелярии, конторы, управители с подчиненными, епархии, монастыри, церкви, число душ, расположенные полки и доходы, как оные ныне состоят губернии Санкт-Петербургская, Московская, Смоленская, Киевская, Воронежская, Рижская, Ревельская».

Название прекрасно очерчивает предмет исследования и дает представление о широте кругозора его автора.

Вторая книга того же труда посвящена описанию Нижегородской, Казанской, Астраханской, Архангельской и Симбирской губерний. Этой работой

русский ученый во многих отношениях опередил своих европейских коллег и заслужил право называться первым экономгеографом. Экземпляр «Цветущего состояния...» имел в своей библиотеке А. С. Пушкин.

Одновременно с «Цветущим состоянием...» Кирилов подготовил и первый обширный атлас Российской Империи. Но вот с изданием его вышла долгая и малоприятная заминка. Дело в том, что с той же целью из Франции был приглашен академик Делиль, уже начавший работу по составлению Академического атласа России и, естественно, совершенно незаинтересованный в труде Кирилова. Вероятно, не без его воздействия открывшаяся в 1725 году Академия наук встретила проект Кирилова без особого сочувствия.

Однако И. К. Кирилов, видевший крайнюю нужду в картах для практической деятельности государственных учреждений, торговли, военного дела и т. п., не смирился, решив, во что бы то ни стало, добиться издания своего атласа. Побуждало его к этому не столько вполне понятное авторское самолюбие и ущемленная национальная гордость, сколько принципиальное несогласие с принятой на Западе методикой информационного насыщения карт: «... Вкратце приношу, что меня принудило впервые зачать географические российские карты в один атлас собрав: тот недостаток, которого в чужестранных картах терпеть не мог, ибо многим несходствам и более жилые места пустою землёю опоясывают и в карты кладут...»

Кирилов не пожелал даже воспользоваться «чужеземными» меридианами и выбрал за точку отсчета свой: меридиан островов Даго и Эзель (Хиума и Сарема), расположенных в российских водах Балтийского моря.

Когда Кирилов увидел, что работа Делиля затягивается, он принял решение напечатать свой атлас под личную ответственность и на собственные средства. В 1734 году первый том «Атласа Российской Империи» вышел в свет. О том, насколько тщательно он проработан, свидетельствует тот факт, что многие его данные входят сейчас в учебники по истории развития народного хозяйства в качестве

первоисточников. Например, исследуя русскую промышленность, Кирилов составил перечень железоделательных заводов и фабрик первой четверти XVIII века и дал их общий итог: «233 промышленных предприятия».

В работе Кирилова приводится немало исторических описаний и свидетельств (о походах Ермака, покорении Сибири, освоении Камчатки), сопровождаемых этнографическими и хозяйственными подробностями. В частности, рассказывая о Камчатке и трех её островах (Нижнем, Верхнем, Большерецком), автор сообщает: «... Население там разнообразное, каждый народ говорит на языке, который с прочими сибирскими иноземцами ничем не сходят, и мужской пол весь пустобородный. Лошадей и скота никакого не имеют, токмо немного оленей. Питаются рыбой, травою, кореньями, соболей, лисиц, бобров камчатских ловят множество, которым зверем покорённые камчадалы и ясак платят. Из русских товаров выбойку, китайку, топоры, котлы, иглы, напёрстки, отчасти красные сукна на зверя охотно меняют».

Самое интересное, что всё это написано почти за два десятилетия не только до выхода в свет классического труда С. Крашенинникова о Камчатке, но даже до начала его путешествия.

В качестве обер-секретаря Сената Кирилов способствовал снаряжению различных экспедиций, обычно имея в виду конкретный государственный «прибыток». Оренбургская экспедиция также была задумана Иваном Кириловым ввиду выгод торговли со среднеазиатскими ханствами и Индией.

Известен архивный документ, составленный Кириловым, в котором говорится: «Требуется укрепить юго-восточные границы, государства, построить «великий город-крепость» и сделать его главным опорным пунктом края. А от него по рекам Яику, Самаре и Сакмаре строить крепости, редуты и форпосты, которые составят оренбургскую пограничную линию».

Эта линия призвана была защитить границы Империи, земли её новых подданных — киргиз-кайсацкого и каракалпакского народов — от джунгар и в значительной мере послужить препятствием для разорительных набегов степняков на башкир, а башкир на степняков, воспрепятствовать междоусобным конфликтам. Новый город должен был стать организующим центром, базой торговли России с киргиз-кайсацкими ордами и ханствами Средней Азии, с Афганистаном, Персией, арабским Востоком, Индией. В Проекте об этом записано, что строительство нового города необходимо «не только для одного

содержания киргизцев, но и для отворения свободного с товарами пути в Бухару, в Водохшан, в Балх и в Индию».

Первого мая 1734 года проект Кирилова получил одобрение государыни Анны Иоанновны, а 18 мая его автор был назначен главой экспедиции — называлась она поначалу «известною», а затем и прямо Оренбургской.

Экспедиция имела большие полномочия, ей должен был подчиняться уфимский воевода. Помимо ученых, топографов, инженеров, военных, в составе экспедиции находились несколько студентов Славяно-греко-латинской академии и священник.

Любопытный факт: первоначально священником в экспедицию Кирилова вызвался ехать Михаил Васильевич Ломоносов, учившийся тогда в классе риторики Славяно-греко-латинской академии. Однако во время допроса в канцелярии Академии Ломоносов признался, что он сын крестьянина и положен в подушный оклад, а не сын попovichа, как говорил прежде. После этого признания Ломоносов вообще не был рукоположен в священники, и вопрос об участии его в экспедиции отпал...

Десятого ноября 1734 года Кирилов с экспедицией прибыл в Уфу, затем двинулся к месту предполагаемой закладки будущего города Оренбурга. В конце года в верхнем течении Яика он основал первую из крепостей на оренбургской линии: Верхнеяицкую.

Но план Кирилова, составленный умозрительно, на основании одних теорий, на деле оказался не столь легко осуществим. «Пришлось мечтать не об устроении флотилии на Аральском море, думать не о снаряжении торговых караванов из Оренбурга через киргизскую степь в богатую золотом, пряностями, драгоценными камнями и тонкими тканями благодатную Индию, — писал историк П. Н. Столпянский, — нет, пришлось вести упорную кровавую борьбу за каждый шаг, за каждый кусочек номинально числящейся за ними земли и вести борьбу на два фронта. С двумя народностями, тоже номинально состоящими в нашем подданстве: с боков давили башкиры, которые понимали, что их владычеству пришел конец, а впереди были воинственные номады киргизы...».

В августе 1735 года, после долгого и трудного пути, экспедиция Кирилова прибыла в «устье Орское над Яиком» и на Преображенской горе (Яшмовой) при салюте из 31-й пушки заложила «горным зеленым и синим камнем» город Оренбург переименованный позже в крепость Орскую (ныне город Орск). Пока одни участники экспедиции сооружали крепость и город, другие, по словам Кирилова, разведывали «здешние горные полезные металльные и минеральные признаки». Далее была заложена Бердская слобода — в двадцати верстах от Сакмарского казачьего городка вниз по Яику, следом крепости Сорочинская, Тоцкая, Бузулукская, Ольшанская (Елшанская), Борская, Красносамарская.

Особенно большое значение в условиях совершенной неизученности края имели предпринятые Кириловым работы по картографированию. Под руководством Кирилова и по его заданиям в Оренбургской экспедиции работали наиболее знающие и опытные геодезисты. С их помощью Кирилов организовал в Башкирии и за ее пределами топографические съемки, в результате которых русская картография того времени обогатилась новыми географическими

картами. Одновременно с топографо-картографическими работами Кириловым впервые. На территории Башкирии были организованы разведка и добыча полезных ископаемых. Позднее, сообщая о результатах своего похода, Кирилов указывал, что в окрестностях Оренбурга было «найденно много редких камней, а особливо множество медных руд» и «на первый случай заложены три шахты».

И. К. Кирилов уделял также большое внимание разработке минеральных богатств края. Он «приохотил» башкир к поставке илецкой соли в Уфу, и, по свидетельству П. И. Рычкова, несколько тысяч пудов этой соли было отправлено «на судах Белою рекою в Каму и Волгу далее». Во время своих непрерывных странствий по Башкирии Кирилов собрал большое количество образцов.

Летом 1736 года Кирилов выехал в Самару, где находилась штаб-квартира Оренбургской экспедиции, для решения неотложных дел и в Оренбург (Орск) уже не вернулся — 14 апреля 1737 года, на сорок восьмом году жизни, он умер от чахотки в Самаре и там же был похоронен на кладбище при церкви Святого Николая Чудотворца.

Один из участников Оренбургской экспедиции художник Д. Кэстль, поощряемый Кириловым, совершил дважды путешествие в орду хана Абдулхаира. Во время своих странствий по Казахским степям и Башкирии он вел дневник, в котором отмечал встречавшиеся на пути руины старинных зданий и могил, реки, озера, горы, леса, степи и т. д. Сообщал краткие сведения о городе Оренбурге и Яицком городке, о яицких и сакмарских казаках и их промыслах. В 1741 году он дополнил свой дневник краткими географическими сведениями о Казахских степях, их растительном и животном мире, о минеральных богатствах, описанием обитателей степей — казахов, их жилищ, занятий, обрядов, и прочего.

Своими трудами участники Оренбургской экспедиции положили начало научному изучению Южного Урала, успешно продолженному последующими поколениями ученых и исследователей.

В бумагах Кирилова были найдены ландкарты, не завершенные исторические и географические труды, несколько летописей из Сенатского архива. Кроме того, за покойным остался долг казне в 7591 рубль (по сведениям историка С. Соловьёва), который положили взыскать с его сына — Петра Ивановича Кирилова, обер-аудитора Военной коллегии. Однако сын оказался не в состоянии выплатить такой долг.

Спустя двадцать пять лет Сенат нашёл, наконец, способ, как списать эту весьма значительную по тем временам сумму и освободить сына, ради заслуг его отца, от уплаты отцовского долга. В докладе, поданном императрице Елизавете, Сенат просил о пожаловании Петра Ивановича Кирилова десятью тысячами рублей — с тем, чтобы в эту сумму зачесть и долг. Ходатайство Сената было удовлетворено только в 1764 году императрицей Екатериной II.

Оценивая деятельность И. К. Кирилова на посту начальника Оренбургской экспедиции, различные исследователи, пишущие об истории Оренбургского края, единодушны в одном: главной ошибкой Кирилова был неправильный выбор места для закладки города-крепости. «Кирилов пренебрег растянутостью коммуникаций с Центральной Россией, — замечает историк В. В. Дорофеев в статье «Начало Орска», — за что пришлось расплачиваться в первую же зиму:

гарнизон крепости выжил только за счет уменьшения состава почти на 800 человек, более половины которых погибло на пути в Сакмарский городок...»

Экономически несостоятелен был и план Кирилова относительно строительства в Оренбурге (Орске) серебряного завода: не было ни подходящего качества руды, ни, самое главное, лесов в необходимом количестве.

Аполлон Кузьмин, автор книги «Татищев» (1981 год), писал, что Кирилов «воспринимал действительность в радужных тонах, даже если к этому было и не слишком много оснований». Однако, по мнению писателя, «Кирилов был, конечно, совершенно искренен, с огромной энергией принявшись за освоение Новой России, как он называл полупустынные районы, которые предстояло оживить».

Научные же заслуги Ивана Кирилловича Кирилова не подлежат сомнению.